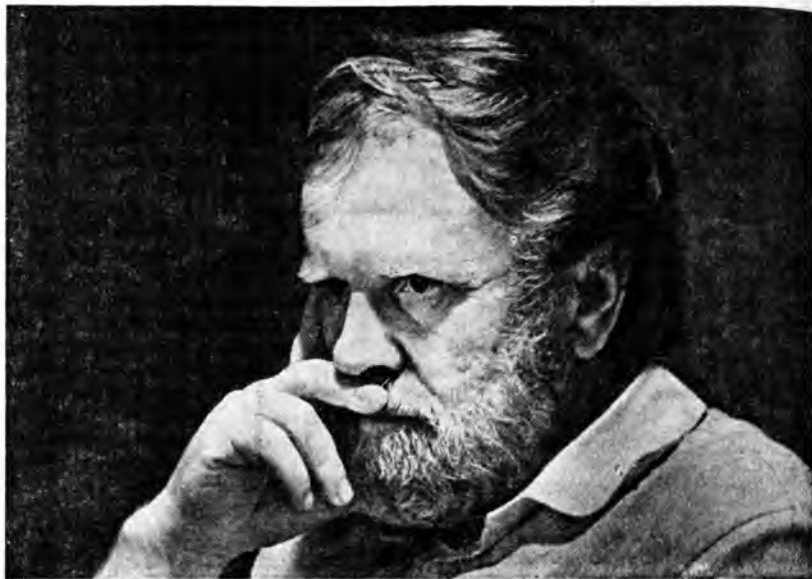

АЛЕКСАНДР
ЛАВРИН

ЗЕМЛЯ И ДОМ

С

С творчеством писателя Василия Белова, лауреата Государственной премии СССР, прочно связано в нашем сознании с рассказами и повестями «Весна», «Привычное дело», «За тремя волоками», «Плотничьи рассказы», «Бухтины вологодские», «Воспитание по доктору Спoкy», романом «Кануны». Появившись в начале 60-х годов, произведения Белова сразу же вызвали широкие отклики в читательской среде. Эти отклики и даже споры, нередко возникающие вокруг прозы Белова,— признание значительности его творчества.

Нынешнее обращение Василия Белова к жанру документально-художественного исследования не случайно. Оно вытекает из всей логики его творчества. Впервые очерки о народной эстетике (такой подзаголовок носит книга «Лад») были опубликованы в «Нашем современнике» в 1979—1981 гг. В журнальной публикации они и воспринимались как очерки. Но вот издательство «Молодая гвардия» выпустило «Лад» отдельной книгой, и труд Василия Белова приобрел совершенно иной вид — стал книгой. Дело здесь, конечно, не в некоторых сокращениях и дополнениях, сделанных автором, а в том, что собранные воедино, оформленные удивительной красоты иллюстрациями, очерки приобрели композиционную стройность, цельность.

Действительно, трудно говорить о тех же народных промыслах или о дворовых постройках, не имея возможности показать в цвете всю прелесть рукоделия, функциональную строгость и вместе с тем эстетическую завершенность деревянного зодчества. Союз двух художников — писателя Василия Белова и фотографа, кинооператора Анатолия Заболоцкого — помог книге приобрести праздничный вид, который, однако, не затмил сокровенного характера «Лада». Два года самоотверженного труда отдад работе над иллюстрациями А. Заболоцкий. В книгу вошли 230 его фотографий...

«С чьей-то легкой руки,— пишет Белов,— природу русского Севера журналисты называют «неброской», «снежкой и скромной». Между тем нигде по стране нет таких ярких, таких выразительных, очень контрастных и многозвучных красок, как на Северо-Западе России...». Этому высказыванию невозможно не поверить, глядя на фотографии А. Заболоцкого. Мастеру в полной мере удалось передать одухотворенную красоту северной природы и народного крестьянского быта. Перелетаем наугад страницы книги и увидим серебристые от времени резные оконные наличники с подвесами и кистями, женщину за старинным ткацким станком, кружевные заросли цветущей черемухи, висящую на стенке святочную маску из березовой коры, легкую, почти воздушную, деревянную церквушку на окраине села, яркие всплески иван-чая на берегу реки, зимнюю санную дорогу, цветущие дуги, поленицу дров, подвинувшуюся до самых окон дома, глиняную домаш-

На снимке:
Василий Белов.

Фото
А. Карзанова.

нюю утварь, плотницкий инструмент на верстаке, покрытом стружками, приземистую русскую печь, беленную известкой, стожок сена, припорошенный снегом, потрескавшиеся торцы амбарных бревен... И лица. Много-много крестьянских лиц. Старуха, выходящая из-за развешанного во дворе лоскутно-го одеяла, девочка, пасущая в поле теленка, семья; отец, мать и трое детей разного возраста. А рядом — как бы для сравнения — репродукции с картин А. Венецианова, В. Тропинина, А. Пластова. Поэтической одухотворенностью веет от изображенных на них даже и в лицах — лицах. И какая-то печаль ложится на сердце, когда рассматриваешь помещенные тут же архивные и старинные семейные фотографии...

Помню из детства: мой дед Харитон перед смертью однажды тайком от родных залез на чердак нашего деревянного дома, выстроенного им от фундамента и нижних венцов до стропил собственными руками. Залез, чтобы попрощаться с любимым плотницким инструментом, уложенным в два больших ящика. Мения не было в ту минуту рядом с дедом, но я ясно вижу, как поднимает он крышки ящиков, вынимает калевки, горбачи, отборники, наградки, стамески, лучковые пилы и гладит широкими ладонями отполированные до ольвякового цвета носки и пятки колодок...

После смерти деда его родные братья, тоже шотомственные плотники Алексей и Сергей несколько раз приходили просить у бабушки дедовский инструмент. Бабушка не отдала. Инструмент, оставшийся от деда, был для нее не просто памятью, но духовной ценностью — такой же, как песни, старые фотографии, иконы и т. д. Она не могла бы толком объяснить, зачем нужно беречь эти деревянные и железки, но интуитивно понимала, что исчезни они из дома — и что-то отнимется в ее собственной душе, да и в душах детей и внуков.

Вспоминая бабушку, я думаю: сколь многое мы, захваченные стремительным водоворотом научно-технического прогресса, безжалостно выбрасываем за порог, вычеркиваем из памяти! Речь идет не об архитектурных и других материальных памятниках (хотя и о них тоже), а о колоссальных пластах народной культуры, создававшейся в течение многих веков отечественной истории. Что знаем мы, поколение родившихся в 50-е и 60-е годы XX века, о теревлении льна и постройке деревянного дома, о копателях колодцев и закахарях, о старинных ремеслах и промыслах, об играх и праздниках, об общинной этике наших дедов и прадедов? Молодежь, щеголяющая именами Кафки и Пруста, Фолкнера и Камю, почти ничего не знает о великом искусстве устного пародного слова, тридцати жанровых разновидностей которого касается в своей книге Белов. Поражает богатством и разнообразием даже простое их перечисление: предание и быльница, сказка и бухтина, пословица и песня, причитание и частушка, раек и заговор, загадка, разговор и прозвище. Наверно, трудно найти сейчас человека, хоть краем уха не слышавшего об Эдипе. А многие ли знают русскую былинку о битве Ильи Муромца с собственным неузнаваемым сыном?

Игорь Шклярский на одном из обсуждений молодой поэзии рассказал такой эпизод: «Случайно я обнаружил, что два молодых поэта, мои гости, не могут в словаре Даля найти слово «ветер»... И слово «сено» не нашли! Не знали, что они ищутся через «ять», искали «е». Один так и сказал: «Этого слова у Даля нет...»

Мелочь? Но такие «мелочи» играют роль кирпичиков в фундаменте общей культуры человека.

О том, что надо собирать и беречь сокровища па-

родной культуры, задумывались еще в прошлом веке. Во вступлении к сборнику «Физиологид Петербурга» В. Г. Белинский с горечью вопрошал: «Много ли у нас книг, из которых можно было бы не только изучать, но и просто знакомиться с многочисленными сторонами русского быта, русского общества?.. Русская литература представляет едва ли не более материалов для изучения исторического и нравственного быта чужих стран, нежели России».

Жанр физиологического (по нынешним понятиям — этнографического) очерка, бурно расцветший в прошлом веке, ныне незащуженно забыт. Между тем в свое время его бы чурались такие писатели, как А. Н. Островский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов... Благодаря им, а также Н. В. Бергу, А. Д. Галахову, Л. А. Мею, Н. А. Мельгунову, К. А. Полевому и многим другим, имеем мы сейчас возможность осмотреть шумные торговые ряды, кишащие разным людом рынки и толкучки, посетить гулянья, летние сады, медвежьи травли, с деревянного моста полюбоваться ледоходом на Москва-реке, поучаствовать в жарких спорах в Литературной кофейне, зайти в простонародные трактиры...

Хорошо оно или плохо, но это наше прошлое. Человек без корней — все равно, что перекати-поле: куда подул ветер, туда и он. Вот почему сегодня мы с благодарностью произносим имена авторов очерков народного быта и тех, кто отдал немало времени и сил собранию русского фольклора, — П. В. Киреевского, Ф. И. Булаева, А. Н. Афанасьева, С. В. Максимова, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга...

За последние полтора десятка лет вышло немало замечательных книг, посвященных самым разным пластам народной культуры. Здесь можно назвать альбомы древней московской, ярославской, новгородской, тверской живописи, монографию-альбом «Феофан Грек» Г. И. Вздорнова, книгу А. В. Ополонникова «Русское деревянное зодчество» — о деревенских, дворовых, приусадебных постройках, книги Профиздата о Древнерусских городах, «Древо жизни» А. Н. Афанасьева, уникальную книгу Е. П. Иванова «Меткое московское слово» — о быте и речи старой Москвы...

К сожалению, нередко интерес к родной культуре носит чисто внешний характер. Как, например, возникший на рубеже 60-х и 70-х годов иконный бум, продиктованный стихией моды. Многим новоявленным собирателям «черных досок» совершенно невдомек, чем отличается иконопись от живописи, какие художественные принципы лежат в ее основе, как готовили иконописцы доски, левкас (грунт), краски... Я неоднократно убеждался в том, что многие из тех, кто накопил десятки альбомов и сотни слайдов во фресковой живописи Древней Руси, понятия не имеют, какими трудами создавались эти фрески. Скажем, знаменитый Успенский собор в Кремле: Дионисий и его ученики расписывали тридцать четыре года! Сам Дионисий не дождал до конца работы. Во время пожара Смугного времени многие фрески поочередно. Спасли их уже было нельзя — пришлось сбивать. В XVII веке над восстановлением фресок трудились 150 мастеров во главе с Иваном Паисием. Чтобы сохранить древние образы, перед тем как сбить штукатурку (левкас), изображение копировали на бумагу, а затем, накальывая рисунок по контуру иглай, переносили его на вновь приготовленный левкас. Трактаты древних живописцев о приготовлении левкаса и красок можно смело назвать поэмами. Неделок труд и нынешних реставраторов. К примеру, чтобы закрасить одну из фресок Успенского собора во Владимире, относящуюся к XII веку, опытнейшему

реставратору А. П. Некрасову потребовался целый год работы.

Недавно Андрей Вознесенский выступил на страницах «Литературной газеты» со статьей «Проробы духа», в которой поделился своими размышлениями об энтузиастах, подвижниках отечественной культуры — Третякове, Морозове, Цветаеве, Сыгине, Чагине, Савинове и других. Проробы духа, подвижники культуры живут в рядом с нами. Реставратор А. П. Некрасов и его товарищи, по-детски влюбленный в искусство кукольного театра Сергей Образцов, человек энциклопедических знаний и феноменальной работоспособности академик Д. С. Лихачев, вдохновенный художник-исследователь Иракий Андроников...

Подвижником хочется назвать и Василия Белова, создавшего своего рода энциклопедию крестьянской жизни. В предисловии к «Ладу» Белов пишет: «Меня могут спросить: а для чего оно нужно, такое пристальное внимание к давнему, во многом исчезнувшему укладу народной жизни? По моему глубокому убеждению, знание того, что было до нас, не только желательно, но и необходимо.

Молодежь во все времена несет на своих плечах главную тяжесть социального развития общества. Современные юноши и девушки не исключение из этого правила. Но где бы ни тратили они свою неумную энергию: на таежной ли стройке, в полях ли Нечерноземья, в заводских ли цехах — повсюду молодому человеку необходимы прежде всего высокие нравственные критерии... Физическая закалка, уровень академических знаний и высокое профессиональное мастерство сами по себе, без этих нравственных критериев, еще ничего не значат.

Но нельзя воспитать в себе высокие нравственные начала, не зная того, что было до нас».

Последняя фраза — ключевая для понимания задачи, которую поставил перед собой Василий Белов. Писатель хотел показать нравственную основу народной жизни. Нравственную — через эстетическую.

Этика и эстетика... Как сухо звучат эти слова, когда говоришь о книге Белова, написанной чистым, ясным, спокойным, полным неизъяснимого очарования языком, легко сочетающим высокую культуру слова и свежесть простонародного говорка. Вот как, например, говорит он о звуком ладе деревенской жизни: «Народная музыкально-звуковая эстетика немалыми без естественной, природной ритмики, без разнообразных голосов окружающего мира. Даже треск поленьев в печи и шум пламени влияли на душевное состояние. Оглушительные морозные выстрелы в крещенскую ночь слегка прерывали дрему мирянина, словно напоминали ему о том, что все идет своим чередом. Петушиное пение закрепляло ощущение ночного спокойствия... Гроза (а она бывает только в ту пору, когда лежать и отдыхать не время) тревожит, будоражит душу своим всеевским грохотом и страшным блеском могучих разрядов. Шум сильного ночного ветра также не дает человеку спать, поднимает с постели и гонит в поле убирать случайные остатки урожая. Сляпные естественных природных шумов и звуков с искусственно-музыкальными вызывает ощущение волшебства.

Представим себе бескрайний летний лес с его то затухающим, то вновь нарастающим, бесконечно широким шумом, с тревожными редкими вскриками то ли дятлов, то ли зайчат, с едва уловимым звоном комариных оркестров. И вдруг в этот широкий всеевский шум будто влетает пение какой-то удивительно музыкальной птицы. Печальный и нежный го-

лос пастушьего рожка так необходимо-естественно среди этих теплых лесов! Он ведет свою мелодию, и она, словно тонкая нить, связывает безбрежность мира с душой человека».

Василий Белов увидел лад во всех проявлениях крестьянской жизни. Лад — антоним слова «разлад». Лад — это цельность, красота, гармония. Но рядом со словом «лад» мы находим у Белова выражение: «стихия народной жизни». Стихия — это нечто необъятное, непредсказуемое, неуправляемое. Как совместить эти два понятия?

Ритм. Вот ключевое слово к такому совмещению. Мы знаем, сколь прихотлива стихия природы, по и она подчиняется неизменному ритму. Подобно тому, как времена года сменяют друг друга, так и в народной жизни события сменяли друг друга, подчиняясь жизненному укладу, отшлифованному веками.

«Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность», — отмечает Белов. — Можно говорить о дневном цикле и о недельном, для отдельного человека и для целой семьи, о летнем или о весеннем цикле, о годовом, наконец, о всей жизни: от зачатия до могильной травы...

Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу — от красоты. Мастер назывался художником, художник — мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии».

Красота находилась в растворенном состоянии! Подмечено очень метко и точно. В этой растворенности, в проникновении лада во все стороны крестьянского труда и быта Белов видит основу, на которой зиждилась любовь селянина к деревне, родному краю. Исчезает из жизни красота — ослабевает, исчезает, как утренний луговой туман, любовь. С горечью и болью пишет Белов о прерванности многих замечательных народных традиций и обычаев. В «Ладе» повествуется о том, как измельчала, а потом сошла на нет традиция народного песенного искусства, традиция русского хоровода, искусство индивидуального танца. «Теперь уже не поются старые русские песни, — констатирует писатель, — те самые, которых не знал даже сам Ф. И. Шляпин. Не услышишь сейчас и более поздние, балладно-романсового толка песни, такие, как «Хас-Булат», «Окрасился месяц багрянец» и т. д. Лишь изредка звучат «Златые горы» да «Коробушка». Затихают в быту и прекрасные песни военных лет, созданные советскими композиторами». Говорит Белов и об ухудшении, вырождении искусства народной частушки: «Убыстрение частушечного плясового ритма происходило, разумеется, за счет снижения мелодического многообразия. Эстетические нормы сменились. С какого-то времени людям стало казаться, что чем громче, тем и лучше, чем быстрее, тем и красивее. В результате даже пение частушек выродилось, снизилось художественные требования, оранье и беспорядочный пляс стали доступны всем, умение петь и плясать снивелировалось».

Все это происходит не случайно. Прерывание традиций, исчезновение искусства и ремесел — одна из причин того, что молодежь тянется в города.

В прошлом году «Юность» опубликовала документальную повесть Елены Воронцовой «Суженый-ряженый». Письма от читателей по поводу этой повести идут до сих пор. Судьба Днян Градусова достойна всяческого уважения. Но одновременно наводит на грустные размышления. Ведь сложилась сейчас удивительная ситуация — когда решение жить и рабо-

тать в деревне воспринимается, как мужественный, пусть ли не героический поступок. Конечно, история Димы уникальна тем, что он принял решение жить в деревне, еще будучи школьником, зная, что жить придется одному, т. е. самому заботиться о хозяйстве и пропитании. Но и те молодые люди, которые после службы в армии возвращаются в родное село, тоже становятся героями газетных и журнальных публикаций. Если дело и дальше пойдет так, боюсь, мы скоро будем давать ордена за возвращение на село.

Да, нашему сельскому хозяйству нужны молодые руки. Но как сделать, чтобы общественная потребность стала личной? Чтобы плечом к плечу с Димой Градусовым встали другие — молодые, добрые, энергичные, волевые, готовые отдавать больше, чем получать?

«Все начинается с любви...» — сказала поэтесса. Начнем с любви. Как привить молодую любовь к сельской жизни, крестьянскому труду — древнейшему и благороднейшему в истории человечества? Как добиться того, чтобы при слове «деревня» возникла прежде всего мысль не о бытовых неурядицах или отсутствии клуба, библиотеки, а о радости работы на свежем весеннем ветерке, о гуляющих вечером от приятной усталости мышцах, о васильках во ржи, о запахе свежескошенного сена, о прозительном аккомпанементе хромки, о домовитом жаре деревянной баньки, о добрососедской помощи, о сработанной собственными руками домашней утвари? Как помочь молодым ребятам постичь смысл труда земледельца? В какой-то мере на эти вопросы отвечает книга Белова. Ее пафос — в е л и ч и е и к р а с о т а крестьянской жизни.

Многие страницы «Лада» посвящены отношению к труду, воспитанию детей, жизни семьи, т. е. важнейшим на сегодняшний день аспектам нашего бытия.

Рассуждения Белова о подворье, о семье овечьи особой поэзией. «Семья для русского человека, — пишет он, — всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка. Почти все этические и эстетические ценности складывались в семье, усваивались человеком постепенно, с нарастанием их глубины и серьезности... Каждый взрослый здоровый человек, если он не монах, имел семью. Не иметь жены или мужа, будучи здоровым и в зрелых годах, считалось безбожным, то есть противоестественным и нелепым. Бездетность воспринималась наказанием судьбы и как величайшее человеческое несчастье... «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын», — говорит древнейшая поговорка. В одном этом высказывании заключен целый мир. Три сына нужны, во-первых, чтобы двое заменили отца и мать, а третий подстраховывал своих братьев; во-вторых, если в семье много дочерей, род и хозяйство при трех сыновьях не захиреют и не прервутся; в-третьих, если один уйдет служить князю, а второй богу, то один-то все равно останется».

Белов много говорит о бытовавших в деревне внутрисемейных отношениях, и снова не перестаешь удивляться их мудрости, слаженности, нравственной высоте и таким вот прекрасным традициям: «...В честь рождения ребенка, особенно первенца, отец или дед сажал дерево: липу, рябину, чаще березу... Эта береза росла вместе с тем, в честь кого была принесена из лесу и посажена на родимом подворье. Ее так и называли: Сашпа (или Тапша) береза. Отныне человек и дерево как бы опекали друг друга, храня тайпу взаимности».

В крестьянской семье ребенок с ранних лет охружала атмосфера нежной заботливости и — одновре-

менно — нравственной требовательности. Требования рождались от внимания к ребенку, от уважения к его личности. Когда я впервые прочитал «Лада», то со стыдом понял, как много мы, молодые горожане, недодаем своим детям. Недодаем внимания, родительского тепла, уважения, сотворчества. Нетрудно понять, что эгоизм передается по наследству с не меньшим успехом, чем доброты. Будут ли дети счастливы, создав в будущем собственную семью, зависит от нас, от духа нашей семейной жизни. Завидны приводимые в «Ладе» примеры заботливости о детях: «Когда бьют печь, кто-нибудь да слепит для ребенка птичку из глины, если режут барана или бычка, то непременно разомнут и надутую пузыря, опуская в него несколько горошин (засохший пузырь превращался в детский бубен). Если отец плотничает, то обязательно наколет детских чурбачков. Когда варят студень, то мальчишкам отдают козочки (бабки), девочкам лодыжки, охотник каждый раз отдает ребенку пушистый белый заячий хвост, который подвязывают на ниточку...»

«Все это прекрасно! — воскликнет читатель-горожанин. — Но где же я возьму заячий хвост или бычий пузырь?!» Разумеется, речь в книге Белова идет прежде всего о деревенском укладе, о деревенских традициях, но важен не внешний, зачастую ставший почти экзотическим антураж, а дух народной жизни, дух общинных и семейных отношений. В этом смысле городу, пока еще бедному на традиции и стабильный уклад, есть чему поучиться у деревни, хотя, конечно, многое уже возродить невозможно и бесцельно. У прогресса свои законы. Отменить их нельзя, но важно жить так, чтобы они, в свою очередь, не отменяли главного закона человеческой жизни — нравственного.

В критических статьях, появившихся после журнальной публикации «Лада», автора порой справедливо упрекали в некоторой идеализации крестьянского быта прошлых лет. Спора нет, в жизни русской деревни в старые времена было немало темных сторон, обусловленных социальными проблемами, экономической отсталостью России и т. п. Но давайте подумаем: а зачем нужна Белову эта «идеализация»? Почему его глаз видит только то, что составляет лад, гармонию крестьянской жизни?

Идеализация — производное от слова «идеал». Идеал — тот рубеж, к которому стремится душа человеческая. Путь к идеалу нелегок, на нем нас подстерегают и ошибки и отступления. А самая страшная ошибка — это ложные идеалы. Герои книги Белова олицетворяют лучшие человеческие качества: честность, трудолюбие, любовь к Отечеству, благородство помыслов, самоотверженность. Так и те идеалы никогда не померкнут в нашем сознании. Напротив, в наше время, когда резко обострилась борьба с буржуазной пропагандой, с философией «вещизма», наша молодежь, как было подчеркнуто на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, особенно «нуждается в идеале, воплощающем благородство жизненных целей, идейную убежденность, трудолюбие и мужество».

Будем же благодарны Василию Белову, напомнившего нам о культурных и нравственных сокровищах нашей земли.